

Я плыл по Ялме.

Сидел на корме лодки, помахивал веслом. Далеко уже отплыл от Чистого Дора, вместе с речкой углубился в лес.

Вода под лодкой чёрная, настоялась на опавших листьях. Над нею синие стрекозы перелетают.

Захотелось что-нибудь спеть, просто так, от хорошего настроения. А вдруг, думаю, здесь какая-нибудь девушка малину собирает! Услышит, как я хорошо пою, — выйдет на берег. Размечтался я и грянул:

Ой, когда мне было лет семнадцать,

Ходил я в Грешнево гулять...

Допел первый куплет и уже хотел за второй взяться — вдруг слышу:

— Ты чего орёшь?

Вот тебе на! Оказался кто-то на берегу. Только не девушка. Голос грубый, болотный.

Огляделся — не видно никого в берегах. Кусты.

— Чего головой крутишь? Ай не видишь?

— Не вижу чтой-то, дядя.

— А не видишь, так и не видь.

— Эй, дядя, — сказал я, — да ты кустиком пошевели!

Молчит.

Ну, глупое положение!

Отложил я весло, хотел закурить. Шарь-пошарь — нету махорки. Только что в кармане шевелилась — теперь нету.

Вдруг стемнело над рекой. Солнце-то, солнце за тучку ушло!

Куда ж это я забрался? Лес кругом страшный, корявый, чёрный, вода в реке чёрная, и стрекозы над ней чёрные. Какие тут девушки? Какая малина?

Ударил я веслом — и ходом к дому, в Чистый Дор, к Пантелевне.

— Ну, батюшка, — сказала Пантелевна, — спасибо, жив остался. Он бы тебя в болото завёл.

— Кто?

— Лесовик! Знаешь, как он Миронику-то водил? Иди, говорит, сюда, девушка, я тебе конфетку дам. А Мирониха по глупости идёт за конфеткой. А он ей в руку впился и в болото тянет. Тут матушка Мирониха помирать начала. Во ведь как бывает.

Не стал я спорить с Пантелевной, а Миронику, конечно, знал. Как придёт вечером, обязательно что-нибудь приврёт.

Месяц прошёл с тех пор, и я забыл про лесовика. А как в августе рыжики-то пошли — вспомнил.

С дядей Зуем отправились мы за рыжиками. Босиком.

Чистодорские жители все ходят за рыжиками босиком — ногами ищут. Вот ведь история! А делается это для того, чтоб найти в траве самый маленький рыжик. Руками шарить — колени протрёшь. Главная задача — найти такой рыжик, чтоб он в бутылочное горлышко пролезал. Подберёзовики и маслята солят в бочках, а рыжики — только в бутылках. Насолишь на зиму бутылочек двадцать, потом только вытряхай.

Я-то вначале ходил собирать в сапогах, на месте разувался. А потом плюнул — ходишь, как неумный, с сапогами в руках. Стал было ходить в одном сапоге — как-никак одна нога рабочая, — но и это бросил: задрознили.

С дядей Зуем пришли мы в сосняки. Рыжиков много.

Зуюшко ногой строчит, как швейная машина «зингер», а я осторожно собираю. Еле-еле ногой шарю — боюсь змею собрать.

За спиной у меня что-то зашелестело в кустах. Оглянулся я и замер. Медленно-медленно высовывается из куста длинная палка. А на конце её приделан острый кривой нож. И вот этот нож тянется ко мне! Тут у меня сердце зашло. Стою столбом, а нога сама по себе рыжики ищет.

Кусты раздвинулись, и из листьев показался человечек, маленький, ростом с пень. Лесовик! В руках держит палку с ножом на конце, сам весь корявый, борода серо-синяя, а руки чёрные, как головешки. Смотрит на меня, ножовой палкой покачивает и говорит, как из дупла:— Рыжики берёшь?

— Ага, — говорю я. — Рыжичков бы нам.

— Нам бы рыжичков, — сбоку говорит дядя Зуй. — В бутылочку.

— В каку таку бутылочку?

— А в поллитровочку, для прелести посола.

— Ага, — говорит лесовик и башкой кивает. — Сей год рыжичков много, прошлый меньше было. А махорки у вас нету ли?

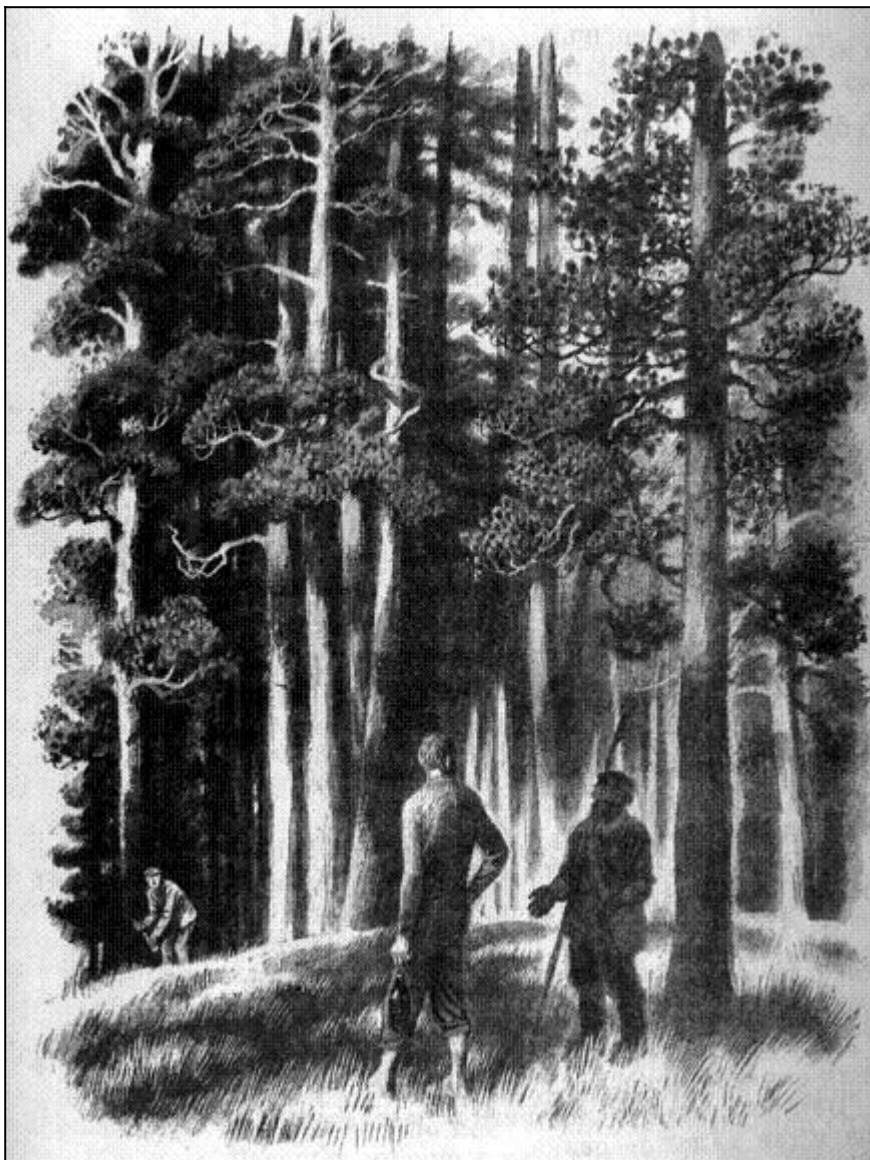
— Есть, — говорит дядя Зуй. — Есть махорка.

Лесовик сел на пень и стал самокрутку крутить. Тут я его как следует разглядел: всё верно, точно такой, как Пантелевна рассказывала, только что-то клыков не видно.

Дядя Зуй подошёл к пню и говорит:

— А вы каким промыслом занимаетесь?

— Живицу я собираю, — говорит лесовик. — Смолку сосновую. Я насквозь просмолённый, как птица

клёст. Руки мои ни за что не отмоешь, вон и в бороду смола накапала.

Тут мне всё стало ясно. Часто в лесу я видел сосны с насечками на стволах. Эти насечки делаются уголками, одна над другой. Смола перетекает из насечки в насечку, а потом капает в баночку. Смола эта и называется «живица», потому что она рану на стволе дерева заживляет.

Я даже огорчился, что лесовик смоловиком оказался, спрашиваю дальше:

— А это что за палка у вас страшная?

— Это палка-хак. Этой палкой-хаком я делаю насечки на сосне, чтоб живица выступила.

— А сосна не мрёт ли от вашей работы? — спрашивает дядя Зуй.

— Не, — говорит смоловик, — пока не мрёт.

Дали мы смоловику ещё махорки и пошли дальше. А когда уже разошлись, я вспомнил: надо было спросить, не он ли окликал меня, когда я в лодке плыл...

Вечером всю эту историю я рассказал Пантелевне. Так, мол, и так, видел лесовика.

— Э, батюшка, — сказала Пантелевна, — да разве ж это лесовик? Настоящий лесовик в лесу сидит, бельмища свои пучит да деньги делает.